

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА И.Я. ДОРОНИНОЙ РОМАНА ЭРНЕСТА ХЕМИНГУЭЯ "ПО КОМУ ЗВОНИТ КОЛОКОЛ" И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО ЧИТАТЕЛЯ

PECULIARITIES AND SIGNIFICANCE
OF IRINA DORONINA'S TRANSLATION
OF ERNEST HEMINGWAY'S NOVEL
"FOR WHOM THE BELL TOLLS"

Yu. Smirnova

Annotation

The article is devoted to the comparative analysis of the E. Hemingway's novel "For whom the bell tolls" translations completed at different periods of time. The author of the article defines the linguistic features of translations on the basis of translating techniques. The analysis involves names and toponyms, abbreviations, spoken speech, metaphors and phraseological units comparison.

Keywords: translation peculiarities, translating techniques, ideology, controversial topics.

Смирнова Юлия Валентиновна

К.филол.н., доцент,

*Санкт-Петербургский государственный
университет промышленных
технологий и дизайна*

Аннотация

Статья посвящена сравнительному анализу переводов романа Э.Хемингуэя "По кому звонит колокол". Автор статьи выделяет особенности выполненных в разное время переводов на основании переводческих приемов. Анализу подвергаются имена и топонимы, аббревиатуры, разговорная речь героев, метафоры и фразеологизмы.

Ключевые слова:

Особенности переводов, приемы перевода, идеология, неоднозначные вопросы.

В 2015 году состоялась встреча читателей с известным произведением американского писателя Э. Хемингуэя "По кому звонит колокол" ("For Whom the Bell Tolls") в переводе И. Я. Дорониной. Это издание позиционируется как первая версия "в полном объеме", тогда как в СССР "роман издавался с сокращениями и искажениями из-за вмешательства идеологической цензуры" [10].

Имя Э. Хемингуэя, знаменитого американского романиста, писателя и журналиста XX века, лауреата Пулитцеровской и Нобелевской премий, автора многих произведений, хорошо известно в России. Честь открытия Э.Хемингуэя для советского читателя принадлежит И.А. Кашкину – поэту, литературоведу, переводчику и члену его переводческой школы В.М.Топер, О.П. Холмской, Е.Д. Калашниковой, М.П. Богословской, Н.А. Волжиной, М.Ф. Лорие, Н.Л. Дарузес и др.

В Советском Союзе в середине 50-х годов этот писатель стал настоящим властителем дум. Произведениями "По кому звонит колокол", "Прощай, оружие!", "Старик и море" зачитывалась молодежь шестидесятых.

Роман Э. Хемингуэя "По кому звонит колокол" ("For Whom the Bell Tolls"), посвященный гражданской войне в Испании (1936–1939), был опубликован в Америке в 1940 году и рассказал людям о бесчеловечной сущности фашизма. В нашей стране его перевели в 1941 го-

ду, но до широкого круга читателей путь его был долгим. Роман по целому ряду причин не оправдал надежд многих зарубежных читателей, в том числе бывших интербригадцев, и вызвал резкую оценку прогрессивной печати, как произведение, неверно отразившее описываемые события и роли коммунистов в них. Публикация романа состоялась лишь в 1968 году в издательстве "Художественная литература". Перевод вышел почти без купюр под редакцией К. Симонова и с его вступительной статьёй.

Долгое время роман "По кому звонит колокол" был известен только в переводе Н.А. Волжиной и Е.Д. Калашниковой. В этом варианте анализировался многими советскими литературными критиками: Б.Грибановым, Н. Анастасьевым, Р. Орловой, А. Воронцовым и др.

Со времени первого полного переводного советского издания прошло 47 лет. Это значительный исторический период, за который изменилась страна, изменилась читательская аудитория, для которой предназначено новое издание, что следует учитывать при сопоставлении переводов. Новый перевод романа Э. Хемингуэя "По кому звонит колокол" оказался востребованным и был переиздан в следующем (2016) году, сопровождаемый вступительной статьёй Н.А. Анастасьева.

Э. Хемингуэя в России читают и перечитывают. Кто-то познакомился с романом впервые, кто-то перечитал

его в новом переводе. На форумах любителей чтения, а также на сайтах издательств можно узнать мнение читателей об этом произведении. Отзывы самые разные: от восторженных ("Лучший роман Хемингуэя"), до негативных ("Весьма тягостное чтение"). К достоинствам романа относят свободу, реалистичность произведения, искренность в изображении реалий войны. Читателей восхищают характеры героев, их героизм и бесстрашие. К недостаткам относят "простоватый язык повествования", считают роман "не самым легким чтивом" [6]. Уже хорошо то, что, с одной стороны, современный читатель знакомится с произведением, которое сегодня актуально по своей тематике, с другой стороны, узнает истинное отношение Э. Хемингуэя к советскому руководству периода войны в Испании.

Новая работа И.Я. Дорониной – это подробный перевод, близкий к тексту романа Э. Хемингуэя, в котором, по мнению Н. Анастасьева, "верность оригиналу соблюдена неукоснительно" [10]. Сохраняется структура романа, которая насчитывает 43 главы, выведенные И.Я. Дорониной в оглавление. Нет расхождений в выражении основной идеи романа: "человек не отделим от человечества, он отвечает за всех, и все в ответе за трагедию, переживаемую каждым из людей" [7], вынесенной в эпиграф.

В советское время почти все издания "Колокола" сопровождалось вступительными статьями. Н. Анастасьев называет их "конвойными". Иначе, считает критик, "многих книг мы не прочитали бы в свое время" [10]. Использовался так называемый внетекстовый прием, с помощью которого советскому читателю поясняли "заблуждения" автора, подстраивали неудобные места произведения к советской идеологии. По мнению Б.Гиленсона, мало кто задумывался над замыслом автора, воспринимая его произведение "как политический трактат" [9].

Э. Хемингуэй, по мнению Б. Грибанова, "считал, что приверженность к политическим доктринам приведет к творческой потере писательской независимости, сузит его возможности как художника говорить то, что он считал правдой" [3].

Э. Хемингуэй ориентировал текст на широкую эрудированную аудиторию, знакомую с испанской культурой и американской историей, имеющей представление о гражданской войне в Америке, а, самое главное, его роман был обращен к людям, которые понимали негативное значение зарождавшегося в Европе фашизма.

Обратимся к особенностям современного перевода И.Я. Дорониной, сравнив его с переводом, выполненным в советский период Н.А. Волжиной и Е.Д. Калашниковой, в переводе имен собственных и топографических названий, аббревиатур, разговорной речи. Советские переводчики Н.А. Волжина, Е.Д. Калашникова и И.Я. Доронина, решая сложные переводческие задачи, применяют разные стратегии и приемы перевода.

Как бы не были похожи переводы, различия все же имеются, и они заключаются не только в купюрах, которые наблюдались в советских изданиях и о которых нам

стало известно благодаря литературной критике.

Купюры, имеющие место в издании 1968 года, переносились из одного издания в другое. Они касались идеологических, политических, религиозных, сексуальных тем. В переводе И.Я. Дорониной сокращений нет.

Уже на начальном этапе войны в Испании в ней участвовали интернациональные бригады из 54 стран мира, в том числе из России. Руководство военными действиями, по мнению Э. Хемингуэя, осуществлялось советскими генералами. Отношение к военному руководству и вообще русским у Э. Хемингуэя и многих испанцев, судя по примерам из романа, было отрицательным. Обратимся, например, к диалогу Гольца (Сверчевского), одного из военных генералов, который отдает Роберту Джордану приказ о взрыве моста. В произведении Э. Хемингуэя читаем:

"You never think about only girls. I never think at all. Why should I? I am General Sovietique. I never think. Do not try to trap me into thinking" [8].

Перевод И. Дорониной: "Вы думаете не только о девушках. Я – вообще никогда не думаю. С какой стати. Я – General Sovietique (советский генерал.) Я никогда не думаю. И не пытайтесь заставить меня думать"[10].

В переводе Н.А. Волжиной и Е.Д. Калашниковой последние признания Гольца отсутствуют.

Причиной, по которой роман долгое время не издавался, было мнение интербригадцев и руководителя КПИ Д. Ибаррури, считавших, что автор романа недостаточно высоко оценил роль коммунистов в борьбе за Республику. В романе Э. Хемингуэй посвятил Д. Ибаррури несколько неприятных страниц. Испанским коммунистам, например, не нравилось, что их Пасионария изображена в "Колоколе" "болтливой, восторженной теткой"[2]. Вот один из примеров купирования текста относительно Пасионарии. "Not for nothing," Karkov said in a dull voice. "You better write it for Izvestia now, before you forget that last beautiful lead."

"That is a woman that is not to joke about. Not even by a cynic like you," <...> "If you could have been here to hear her and to see her face".

"That great voice," Karkov said. "That great face. Write it," he said. "Don't tell it to me. Don't waste whole paragraphs on me. Go and write it now" [8].

Перевод Н.А. Волжиной и Е.Д. Калашниковой:

"<...> – Запишите это, – сказал Карков. – Не говорите все это мне. Не тратьте на меня целые абзацы. Идите сейчас же и пишите.

– Зачем же сейчас?

– Я вам советую не откладывать, – сказал Карков и посмотрел на него, а потом отвернулся" [9].

И.Я. Доронина переводит: "<...> – Вам бы следовало начать писать статью для "Известий" прямо сейчас, пока это восхитительное впечатление не потускнело.

– Шутить над этой женщиной неуместно. Даже такому цинику, как вы, <...> – Были бы вы здесь – сами бы увидели это лицо и услышали бы этот голос.

– Этот великий голос, – сказал Карков. Это великое лицо. Опишите же все это. Не надо рассказывать мне. Не

растрчивайте на меня целые абзацы готовой статьи. Идите и сейчас же все запишите" [10].

В высокопарных словах русского журналиста о Пасионарии читатель чувствует неприкрытую иронию, что, конечно, являлось неприемлемым по отношению к испанской коммунистке ни со стороны автора произведения, ни со стороны издателей, а потому было купировано. По мнению Е. Кузнецовой, "причины купирования, как правило, вполне очевидны: политическая целесообразность или нарушение норм приличия (зачастую и то, и другое вместе). Значительная часть неприемлемого содержания, таким образом, не доходила до читателя" [5, с.157].

Или, например, при описании внешности симпатичного главному герою советского эмиссара Каркова отсутствует такая деталь, как "bad teeth"/ "гнилые зубы". Читая в оригинале: "Karkov was the most intelligent man he had ever met. Wearing black riding boots, gray breeches, and a gray tunic, with tiny hands and feet, puffily fragile of face and body, with a spitting way of talking through his bad teeth <...>" [8].

В переводе Н.А. Волжиной и Е.Д. Калашниковой эта деталь отсутствует, нет ее и соответственно в других изданиях: "Карков – самый умный из всех людей, которых ему приходилось встречать. Сначала он ему показался смешным – тщедушный человечек в сером кителе, серых бриджах и черных кавалерийских сапогах, с крошечными руками и ногами, и говорит так, точно сплевывает слова сквозь зубы" [9].

Перевод И.Я. Дорониной: "Он оказался самым умным из когда-либо встречавшихся ему людей...он представлялся ему фигурой комической: в черных кавалерийских сапогах, серых бриджах и сером кителе, с крохотными руками и ногами, одутловатым хрупким лицом и телом, с манерой выговаривать слова так, словно он выплевывает их сквозь свои гнилые зубы"[10].

Еще одна деталь относительно Каркова. Образ советского журналиста должен был быть безупречным, поэтому речь о любовнице Каркова в советском издании просто не шла. Читаем в оригинале: "<...> Then it lighted again as he saw the mahogany-colored head and the love-lazy face of the well-constructed girl who was his mistress and he strode with short, precise steps over to her and bowed and shook her hand in such a way that no one could tell it was not a mimicry of his greeting to his wife" [8].

Перевод И.Я. Дорониной в отличие от перевода Н.А. Волжиной и Е.Д.Калашниковой соответствует оригиналу: "<...> Но тут же вернулась, как только он заметил темно-рыжую копну волос и чувственно-томное лицо хорошо сложенной девушки, которая была его любовницей; он подошел к ней быстрым четким шагом, поклонился и пожал руку так, что невозможно было не заметить подражания тому, как он приветствовал жену" [10].

Сокращения касаются, например, библейского персонажа Онана, о котором главный герой вспоминает в последнюю ночь перед боем:

"I'll need all of that there is tomorrow. There are no pine needles that need that now as I will need it tomorrow. Who

was it cast his seed upon the ground in the Bible? Onan. How did Onan turn out? He thought. I don't remember ever hearing any more about Onan. He smiled in the dark" [8].

Перевод Н.А. Волжиной и Е.Д. Калашниковой: "Завтра мне понадобится все, что только у меня есть. Он улыбнулся в темноте" [9].

В переводе И.Я. Дорониной читаем: "Завтра мне понадобится все, что у меня есть. Ни одна сосновая иголка не нужна мне сейчас так, как будет нужна завтра. Кто там в Библии "изливал семя на землю"? Онан. И чем закончил Онан? – подумал он. Не помню, чтобы когда-нибудь еще что-нибудь слышал об Онане. Он улыбнулся в темноте" [10].

Скорее всего, цензоры опасались за непристойные ассоциации, вызванные этим образом. Но, из-за опущения в переводе исключен целый смысловой пласт, возможно, не соответствующий идеологии того времени.

Перевод И.Я. Дорониной снабжен довольно подробными комментариями, которые касаются имен собственных, испанских слов и выражений. В переводе И.Я. Дорониной на первой странице романа помещено посвящение, которого нет в переводе Н.А. Волжиной и Е.Д. Калашниковой: "This book is for Martha Gellhorn". И.Я. Дорониной дает подробный комментарий этому посвящению. Марта Эллис Голхорн была третьей женой Э. Хемингуэя, известная американская журналистка, которая освещала все крупные мировые конфликты. Известно также, что и она посвятила Э. Хемингуэю свою книгу "Выжженная земля", которая вышла в свет в 1940 году, то есть за полгода до выхода романа Э. Хемингуэя "По ком звонит колокол".

Произведение Э. Хемингуэя изобилует именами вымышленных героев и исторических личностей. Все исторические личности переведены переводчиками идентично. При переводе вымышленных имен расхождение встречается в имени Primitivo. У Э. Хемингуэя персонаж характеризуется как "the flat-faced man, who was named Primitivo" и далее в романе героя называют только Primitivo. У Н.А. Волжиной и Е.Д. Калашниковой имя – Примитиво. При переводе этого имени используется прием транслитерации, при этом теряется смысловое значение говорящего имени. В данном случае не понятно – имя это или прозвище плосколица человека.

И.Я. Дорониной обращает на это особое внимание: "человек с плоским лицом Primitivo – Простак", и далее по тексту только Простак. В интерпретации И.Я. Дорониной это не имя, а прозвище.

Расхождение встречается в ласковом обращении Роберта Джордана к Марии "rabbit" (крольчонок). Н.А. Волжина и Е.Д. Калашникова при переводе этого слова находят аналог в русском языке – зайчонок, следуя традициям русской культуры. В переводе И.Я. Дорониной Роберт Джордан называет Марию "крольчонок", так как переводчик придерживается принципа дословного перевода.

Имя литературного персонажа Don Juan Tenorio, о любовных авантюрах которого известно много устных

легенд и написано несколько художественных произведений (Тирсо де Молина, Ж.Б. Мольер, А.С.Пушкин, Дж.Г.Байрон, В.А. Моцарт). Н.А. Волжина и Е.Д. Калашникова переводят как Дон Жуан, следуя традиции русской литературы. Любой читатель узнает этого персонажа с его личными качествами и поймет, о ком идет речь. И.Я. Доронина не русифицирует имя и при переводе использует транскрипцию с испанского дон Хуан Тенорио, и тем самым сообщает о происхождении героя.

Как пишет Т.А. Казакова, "применение транскрипции к переводу встречающихся в тексте имен требует предварительного культурологического анализа, призванного определить возможных традиционных форм того или иного имени, уже утвердившихся в мировой или переводящей культуре и требующих воспроизведения именно в той форме, в какой они существуют" [4, с. 77].

Таким образом, в переводе Н.А. Волжиной и Е.Д. Калашниковой имена более адаптированы для отечественных читателей.

Для человека, не знающего Испанию, географические названия мало что говорят. Названия городов и провинций для Э. Хемингуэя являются осознанными, знакомыми, близкими, осязаемыми, поэтому он представляет географические названия не на английском, а на испанском языке. Говоря о топонимах, можно отметить, что в разных изданиях их переводят идентично, но есть расхождения в склонении географических названий.

К примеру, *Varco-de-Avila* у Н.А. Волжиной и Е.Д. Калашниковой употребляется как Барко-де-Авила (Меня зовут Ансельмо, я из Барко-де-Авила), у И.Я. Дорониной – "Меня зовут Ансельмо, я из Барко-де-Авилы. Стоит отметить, что у Э. Хемингуэя перед названием этого населенного пункта не стоит артикль "el", хотя по правилам испанского языка должен быть. Однако на перевод это не повлияло – в русском артикли не используются, они заменяются указательными словами или передаются контекстом.

На страницах романа можно встретить немало аббревиатур, которые переданы в переводах по-разному. Переводчики успешно справляются с решением поставленной задачи – не только донести до читателя смысл, но и пополняют словарный состав русского языка.

Н.А. Волжина и Е.Д. Калашникова передали буквенный состав аббревиатур с использованием русских букв, создавая новые аббревиатуры (U.H.P. – С.Д.Ш.), а И.Я. Доронина приблизила свой вариант к оригиналу текста (U.H.P. – U.H.P.), заимствуя иностранные сокращения с сохранением латинского написания и пунктуации, а также используя пояснительный перевод в комментариях для современного читателя.

Трудность в художественных произведениях обычно составляет перевод разговорной речи, которая может содержать архаизмы, метафоры, фразеологизмы. Переводы монологов и диалогов действующих лиц в романе разных переводчиков интересны по-своему.

Читаем в тридцатой главе: "But that heads business was quite a thing all the same, he told himself" [8].

Н.А. Волжина и Е.Д. Калашникова переводят: "Но эта история с отрубленными головами – это уже слишком, сказал он самому себе" [9].

И.Я. Доронина предлагает другой вариант перевода: "И всё равно эта история с отрубленными головами – это уже ни в какие ворота, сказал он себе" [10]. И в том, и в другом случае переводчики не только сумели найти и выделить фразеологизм "quite a thing", но и правильно его растолковать, чтобы перевести на русский язык. Выражение "это уж слишком" не является фразеологизмом в русском языке. Есть фразеологизм "этого ещё не хватало" – возглас, выражающий негодование, возмущение, неодобрение по поводу чего-либо нежелательного, которое является аналогом выражению "это уж слишком", "это чересчур". Фразеологизм "ни в какие ворота" является незаконченным. Есть фразеологизм "ни в какие ворота не лезет", что означает "очень плохо, никуда не годится, не укладывается в общепринятые нормы, не выдерживает никакой критики" [11, с. 223]. Другими словами, эти оба варианта удачны и понятны читателю.

Стиль Э. Хемингуэя отличается краткостью, лаконичностью и точностью, однако это не мешает ему использовать множество интересных метафор. Метафора определяется как "скрытое сравнение, осуществляемое путем применения названия одного предмета к другому и выявляющее таким образом какую-нибудь важную черту второго" [1, с. 124].

Среди ярких примеров можно выделить "I am more wolf than thee" [8]. Э.Хемингуэй наделяет этой метафорой речь сурового Пабло. Между Пабло и Ансельмо в начале романа состоялся грубый диалог, в котором Ансельмо сравнивает Пабло с лисицей, которая хитрит, чтобы выжить. Для серьезного дела, по мнению Ансельмо, нужен волк. Если лисица хитрая и изворотливая, а эти качества, как показывает дальнейшее повествование, присутствуют у Пабло, то волк – это хищник, смелый, дерзкий, беспощадный, возможно, вожак. Этими качествами Пабло когда-то обладал. Но все же речь Ансельмо обидела его, и Пабло отвечает: "I am more wolf than thee" [8].

Н.А. Волжина и Е.Д. Калашникова переводят: "Скорее я волк, чем ты". Данная фраза является полным переводом исходного текста.

Перевод И.Я. Дорониной: "Я – волк посерьезней, чем ты" сохраняет сравнительную конструкцию *more... than*, но слово "посерьезней" все же нехарактерно для употребления его крестьянином, то есть употребление его стилистически не оправдано.

Другими словами, при переводе разговорной речи И.Я. Доронина не всегда придерживается принципа дословного перевода, да это и невозможно. "Точный перевод практически невозможен уже в силу того, что разные языки отличаются как по грамматическому строю, так и по простому количеству слов, не говоря уже о различии культур, что тоже может иметь влияние на способ и результаты перевода <...>" [4, с. 9].

Подводя итог, следует сказать, что в настоящее время современный читатель имеет возможность познако-

миться с романом Э. Хемингуэя "По ком звонит колокол" и сравнить новый перевод с уже известным. Н.А.Волжина и Е.Д. Калашникова жили и работали в советское время, и на их перевод повлияли требования времени. Следуя цензурным идеологическим требованиям, они все же дали возможность советскому читателю познакомиться с всемирно известным романом.

Главное слово, которое определяет период творчества И.Я. Дорониной, – свобода. Работу делал свободный человек для свободного читателя, и перед переводчиком стояла сложная задача: увлечь читателя и расширить читательскую аудиторию, чтобы реакция читателя перевода, соответствовала реакции читателя оригинала.

Перевод И.Я. Дорониной можно считать более близким к оригиналу, чем перевод, осуществленный в советское время, но при этом он сложнее для восприятия. Перевод рассчитан на широкую аудиторию, в том числе молодежную и школьную. Современной читательской аудитории необходимо разобраться в авторской позиции произведения, поэтому в тексте перевода И.Я. Дорониной включено много пояснений в виде переводческого комментария. Издатели стремились обеспечить достаточный уровень понятности текста. Особенно это касается биографий военных и политических деятелей. Не исключено, что сопровождение перевода комментариями было решением составителей, а не переводчика.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд, И.В. Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов. – М.: Флинта: Наука, 2009. – с.124
2. Воронцов, А. Победитель, не получивший ничего. Хемингуэй и смерть//Наш современник, – №7. 2014, – с.147
3. Грибанов, Б. Эрнест Хемингуэй: герой и его время. – М.: "Художественная литература", 1980. – 170 с.
4. Казакова, Т.А. Практические основы перевода: English–Russian [Электронный ресурс]/Е.А. Казакова. – СПб: Издательство Союз, 2001. 320 с. Режим доступа: <http://gigabaza.ru/doc/61706.html>
5. Кузнецова, Е. Способы идеологической адаптации переводного текста: о переводе романа Э. Хемингуэя "По ком звонит колокол" [Электронный ресурс]/ Е. Кузнецова//Логос. – Москва, 2012–№3. – С.153–171. Режим доступа: http://logosjournal.ru/arch/22/art_164.pdf
6. Лаборатория Фантастики [Электронный ресурс]/ Режим доступа: <http://fantlab.ru/work261141>
7. Сергеев, А. Анализ романа "По ком звонит колокол" Э.Хемингуэя [Электронный ресурс]/А. Сергеев. Э. Хемингуэй По ком звонит колокол. Праздник, который всегда с тобой. М.: Правда, 1988. Предисловие к изданию. Режим доступа: <http://hemingway-lib.ru/analiz-proizvedenii/sergeev-predislovie-k-izdaniyu-romana-po-kom-zvonit-kolokol-e-khemingueya.html>
8. Хемингуэй, Э. По ком звонит колокол / Э.Хемингуэй: роман на англ. яз. с предисловием Г.П. Злобиной – М.: Прогресс, 1981 – 560 с.
9. Хемингуэй, Э. По ком звонит колокол /Э.Хемингуэй: /Э. Хемингуэй пер. с англ. Н.Волжиной, Е.Калашниковой с предисловием Б.А. Гиленсона – СПб.: Азбука–классика, 2005. – 672 с.
10. Хемингуэй, Э. По ком звонит колокол /Э.Хемингуэй: пер. с англ. И.Я. Дорониной со вступительной статьей "Третий раунд" Н.А. Анастасьева – Москва: Издательство АСТ, 2016. – 704 с.
11. Фразеологический словарь русского языка: Свыше 4000 словарных статей/ Сост. Л.В. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Федоров; Под ред. А.И. Молоткова. – 3-е стереотип. Изд. – М.: Русский язык, 1978. – 543 с.

© Ю.В. Смирнова, (June06@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

